Культура. – 2004. – 19–25 авг. – с.7

...И слышно, как время идет

Посмертные выставки трех нонконформистов

Г.Басыров. Из серии "Ветер II". 1988 г.

Гороховский, Басыров, Рогинский – три имени, под знаком которых завершается уходящий сезон. Весной их выставки устроили Русский музей и Третьяковка, летом эстафету приняли столичные галереи. В один голос галеристы заверяют: показы планировались давно, при жизни, подтверждение тому – солидные каталоги. Но получился мемориал. 30 июня, в разгар проекта "Границы прямоугольника – мое безграничное пространство" в Русском музее, не стало Эдуарда Гороховского (75-летний юбиляр не смог приехать на свой вернисаж из Германии, где и похоронен). 5 июля скончался Михаил Рогинский, впервые дождавшийся наград: в мае сообщество галеристов и арт-критиков присудило ему независимую премию "Мастер".

Вне плана Третьяковка посвятила выставку Гарифу Басырову, внезапно умершему за день до собственного 60-летия. Следом, выбрав дюжину листов из одной серии рисунков да автопортрет 1970-х, Басырова почтила галерея "Файн Арт".

...В последний раз я встретила его зимой в Музее современного искусства, где шумно открывали выставку "Арт-Конституция". Пробиваясь сквозь толпу к своему рисунку, игравшему роль иллюстрации к Основному закону, Басыров сказал: "Интересно, какую статью мне дали?" Фраза, понятная в контексте проекта, отдавала горькой иронией: свою жизнь этот мягкий, хрупкий на вид человек с печальными глазами, редкостным чувством юмора и несгибаемо твердым характером начал "под статьей", только из другого свода законов – печально знаменитой 58-й. Он родился не "у Грауэрмана", как иные везунчики, а посреди архипелага ГУЛАГ, на острове с экзотическим названием АЛЖИР (ничего общего со Средиземноморьем – Акмолинский лагерь жен изменников родины)... Заснеженные бескрайние степи стали в его "Обитаемых пейзажах" не просто фоном, а необходимым, сущностным компонентом, той средой, где "произрастают" бюрократы и карьеристы, но встречаются и люди с противоположным вектором. Порой столь сильным, что стремятся, будто астероиды, вырваться за пределы предначертанного им пространства...

Случайно ли абсурдистские (то иронически-колючие, то грустно-лирические) рисунки Басырова, сделанные для легендарного журнала "Химия и жизнь" – вроде бы по другому поводу и "на злобу дня", выглядят как баллады в эпическом рассказе об эпохе, как афористичные попытки отрефлектировать историю страны?

Ощущение тогдашнего воздуха – глотка времени, которое то ли застыло, то ли все-таки медленно течет, но в любом случае напоено драматизмом, – передают и картины Рогинского. Подобно Басырову, он слагает повесть без слов, находя мыслям и чувствам внятный пластический эквивалент. "И тихо, так, Господи, тихо, что слышно, как время идет"...Он знал толк в тончайших нюансах цвета, он делал зримым чудо рождения картины из хаоса материи, из небытия... Воин андеграунда до последнего писал свою Москву в Париже, куда уехал в далеком теперь 1978-м. И по-детски радовался, когда смог показать в России новые работы.

К скромной экспозиции Рогинского в галерее "Сэм Брук" добавили горстку чужих работ: И.Затуловская откликнулась на скорбное известие, Н.Нестерова и К.Батынков просто дали по картине, а неведомых петербуржцев кураторы взяли по принципу подобия. На десерт – ряд небольших масляных этюдов, написанных покойным на обрезках холста в мастерской у приятеля осенью 2003 года, в последний приезд в Москву. Но признаюсь: если бы прежде, к 70-летию Рогинского, не довелось увидеть настоящую его ретроспективу в Третьяковке ("Пешеходная зона" поразила цельностью, атмосферой и силой философского высказывания), вряд ли бы здесь, у "частников", стало ясно, почему этого художника называют непризнанным гением...

Однако фокус в том, что из отдельных нынешних выставок – элегантных или грубо сработанных, как в случае с Рогинским, выхвативших только фрагменты, да, в общем, и не претендующих на хрестоматийность – в совокупности складывается достаточно цельная картина. Можно найти точки схода у трех очень разных ветеранов арт-сцены и объединить три зала вдоль Садового кольца в (перефразируем писателя) архипелаг Реквием.

...Повернувшись к нам спиной, бредут в безвестность, в мутную даль безликих городов персонажи Басырова. Вполоборота к зрителю стоят в очередях, на трамвайных остановках или за пивом герои Рогинского – жители мегаполиса без особых примет. Два урбаниста ставили задачу не показать конкретный город, но ухватить то всеобщее, что не поддается сиюминутным трансформациям, зато доносит до нас метафизическую сущность бытия. Символично в этом смысле названа выставка Рогинского "Фактически ничего не меняется" (по одной из картин).

В работах еще одного нонконформиста, составивших последнюю в этой череде выставку в галерее "Файн Арт", все иначе: люди активно движутся, широко улыбаются, решают важные вопросы... и на глазах, будто разъедаемые коррозией, растворяются в плоскости картины, которая есть не что иное, как обретшая вторую жизнь старая фотография. Всегда открытый к диалогу, радушно звавший к себе в мастерскую экстраверт Эдуард Гороховский перевоплотил время, предложив подробную версию российской истории XX века. Точнее, собрав ее заново из сотен документальных изображений, которые отважился сплавить в самодельной реторте и перетасовать на свой манер. Будто смонтировал киноленту, опередив кинематографистов, – пожалуй, вровень встанет лишь Алексей Герман.

Что же заставляет говорить о трех художниках сразу – ведь не только совпадение во времени? Не одно лишь метафорическое мышление, присущее многим? Легко поддаться соблазну разложить творчество каждого на составные части – стиль и концепции, взаимоотношения с постмодернизмом и классической традицией; у всех найдутся параллели с западными властителями дум, отыщутся подражатели... Ну каких только ярлыков ни приклеивали, скажем, к Гороховскому: классик московского концептуализма, ответственный за "оптический участок", соцартист, пионер отечественного photo-based art, мастер апроприации фотографии, медийный художник мнимо репрезентационной визуальности... Однако недаром признается в каталоге выставки Русского музея Александр Боровский, глава отдела новейших течений ГРМ и знаток концептуалистского дискурса: Гороховский ускользает, он только кажется доступным расшифровке... В том-то и дело, что талант, изобретательность, вечный поиск и преданность искусству, обращенному к человеку, не поймать в сети сугубо научного познания. Художник шире и глубже своих интерпретаторов. И – гуманней. Не мудрствуя лукаво всмотримся в рисунки, этюды и завершенные полотна, видя в художественных приемах лишь способ усилить наше восприятие (таков коллаж в "Знаменах" Гороховского – заслонившие горизонт красные флаги). Здесь явственно проступает ее величество История. Облик "частного человека" вписан в коллективный портрет поколения, зафиксирован в общей памяти на генном уровне. Из этих малосущих, казалось бы, ячеек складывается грандиозная мозаика. Проступает непарадное лицо страны – той самой, что покорно стояла в очередях, да и сейчас готова в них вернуться, шла на демонстрации, жарилась на пляже и выносила приговоры, а потом с ужасом ждала ночного стука в дверь. И не для того ли солнце мертвых высветило эти выставки среди множества других, что нам снова нет ничего важнее, чем парадоксы истории, и интереснее, чем человек? Тогда становится ясно – три автора, при всех "измах", творческих различиях, оригинальных попытках использовать новации XX века, говорят об одном и том же. В частности, о том, что в русском искусстве сильнее моды – гуманистическая традиция с идущим от Пушкина вниманием к "маленькому человеку". И о том, как важно художнику переосмысливать реальный мир, создавая новую, глубоко индивидуальную, параллельную жизни реальность искусства.

Елена ТИТАРЕНКО